

"Вечерняя Москва" №13.
Гор. Москва, 1934, 15 января.

ДЕТИ И АКТЕРЫ

НАТАЛИЯ САЦ

ЮБИЛЯРОВ БЫЛО четверо:
Струас, Добрая Непра, Тонкий
Клуга и Неприкаянная дочка Бада-
ба.

Их юбилов праздновали больше 1000 человек, и средний возраст приглашавших был в два раза меньше юбилейных лет, дарившихся юбилярами. Зрители сидели и стояли, крепко держа за спинку стула или расотыряв руки, с озабоченным, что их особенная стена находится в надежной руке. На большинство стульев было по два артиста, но они не мешали друг другу. Когда гаванила со сцена спрашивала, сколько присутствующих лет, дружные «мать» пронеслось по залу. Впрочем многие не пресмыкнулись похваляться, что уже «зрелые люди», а весело и старчески громко отвечали даже шесть. Но फिर опять так и кричала орденный товарищ артистического зала.

Все это было на спектакле «Перегренок и обаяние». Московский театр для детей и его артисты праздновали 10 лет работы в театре артистов Е. Н. Васильева, Н. В. Огановой, Г. Е. Ивакиной и З. П. Юрьевой.

Только великого юбилей не было. Это громадное понятие не способно передать совсем особый праздник, вся предстопанная часть которого

зависла около двадцати минут. Почему? Только потому, что к адресу основного внимания было уделено детям. И вспоминались первые годы существования Театра для детей, когда взрослые, квалифицированные артисты только начинали там работать. Ах, как мало было среди них артистов, да что — артистов, просто серьезно относящихся к делу. Большинство артистов больше 2—3 месяцев не работало в Театре для детей. Правда, Театр для детей вел тогда борьбу за свое существование, репетировать приходилось в клубы и вешенки, а зарплата оказывалась на полтора месяца. Но главное было не в этом. Артисты не уважали своих зрителей. Они похвалялись себе на очень тубые тубы или играли в полтона, дескать они отстоят мять бисер перед... детьми». Дисциплинировать их было очень трудно. Они и сами ведь считали работу в Театре для детей только «временной» и, если с ними работавали на месяц раньше их уходило «по собственному желанию», не очень грустили.

Они «глухие дети» только «мекля» играть: они давали советы действующим лицам, вмешивались в ход действия, не смелись там, где, по мнению артистов, было смешно, и деваство почему задевались логичем смехом, например, на проходной фразе Гасова Молчаливого: «хорошо бы мне сейчас каша с мясом», о мясом».

Театральные критики, приходя на спектакль Театра для детей, гнусли палку в другую, не менее вредную сторону. Очень долгое время борьба за художественное качество в Театре для детей шла без всякой помощи с их стороны. Критика не было никакого дела до автора, режиссера, артистов, композитора — все рецензии были посвящены одним делам, «дела смелые, дела приличные, дела... дети...». Можно было подумать, что на премьеры в детском театре критики сидят олимпий и олимпий и глядят только в артистический зал, совершенно не замечая своего спек-

такла. Это еще больше ослабило желание артистов работать в Театре для детей. «Нас здесь не замечают», — жаловались они.

Год шел за годом, Театр для детей креп, более полнокровным становился его репертуар, росло чувство ответственности у художественного коллектива, все больше и больше понимали артисты значение и художественный смысл этого нового дела.

Да, дети хлывают, да, они редуется, они реагируют даже сильнее, чем взрослые. Но не всем достаточно сознания, что Театр для детей — это дело большого искусства, участвует в коммунистическом воспитании, в строительстве новой жизни. Иные артисты хотят гораздо более оупульного, личного успеха, успеха актера.

Один мальчик на спектакле «Перегренок и обаяние» был очарован обаянием. Конфет, которые давал ему во время спектакля отец, он не ел, а зажимал в кулак. Когда завалес закрылся, он попросил отца отвести его к «обаянию». Отец исполнил его просьбу. Когда они вошли в уборную к артистке Корнеевой, которая была еще в обаянии пикуре, но уже разграбированная. Если бы этот мальчик был взрослым, он наверное сказал бы артистке что-нибудь вроде: «Уважаемая Клавдия Петровна, отличный ваш образ есть образец высокого мастерства, давший мне полную выгоду» и т. д. Но он, этот артист, ничего не сказал, а просто заревел и выпустив из кулечка на пол сдувшиеся конфеты. Да, можно рассчитывать не мало случаев, подтверждающих исключительную одачу детьми своих артистов, но это опять без учета, истинно и фактически, дисоному.

А вот одно из писем от зрителей, полученных весной этого года: «Детский театр для детей — прекрасный Струас. Здравствуйте, дорогой Струас напишите мне пожалуйста вы настоящий Струас или сделаны из чегорка». Вам конечно хоро-

шо со стороны смеяться, а каково человеку, который предназначается для того, чтобы из него сделали Струаса. И ответите вот такому артисту, это вас возит Зинаида Петровна Юрьева, — так думаете ли вы поверит? Нет, он будет продолжать рассматривать поправленные ему Струаса совершенно отдельно от создавшей его образ артистки.

Вот штука-то в чем. Но это мальчик, а старшие ребята? 8—9 леткам очень нравятся в память «Робиник Бада» в исполнении артиста Е. Н. Васильева. Так, когда ребята его узнавали в других ролях, они кричали: «Этот... артист Бада, я его знаю». Опять-таки они запомнили образ, а не фамилию артиста.

Немалое значение обстоит дело и у подростков. Если они и знают фамилии и очень ценят своих артистов именно как артистов, то во всяком случае главное для них Другое. В хорошо поставленном театре для детей артист — это не «душка», не предмет восторгов, а человек, исполняющий определенные функции в спектакле, а через спектакль ориентирующий ребят в жизни жизни. Как бы то ни было Васильев не играл роль Ивана в пьесе «Аул Гудже», он не дождался ни одной похвалы от зрителей и подростков. Вот выдержка из двух характерных писем:

«Ох, ты, Иван, ты чему людей учишь, только всех обманывал, и был очень рад, когда тебя арестовали». Другой: «А Иван мне очень не понравился, потому что Иван — это понашему топ и он все враг».

Играя полнокровные образы в Театре для детей гораздо приятнее. Ребята не окупаются на похвалы и восторги. «Здравствуйте, дорогой товарищ Липкина. Как вы хорошо представляли свою роль и мы очень вам благодарны и желаем, чтобы у вас в школе была такая же хорошая учительница, как вы». Что это — письмо артистки Липкиной? Нет, фамилия артистки — Н. В. Оста-

пова, а учительница Липкина — это действующее лицо пьесы «Литавий». Понятие «предоставлять свою роль» в данном случае обаяняет автора, режиссера и саму артистку, вернее — созданное данным театральным персоналем впечатление.

Но если театр настолько помогает расти детям — будущим строителям социализма, то взрослые должны научиться окружать гораздо большим вниманием тех, кто свое искусство своим одами о любовно отдает на формирование взглядов нашей смены. Надо поощрять с обаянием отношения к работникам детского фронта.

Внимание вниманию роши. Есть учреждения, считающие внимание «выдающимся» период работникам на театра для детей в театр для взрослых. Есть газеты, которые раз в год за чайной чаю длинно плалят о взаимоотношении к театрам для детей для того, чтобы после так же забывать о них, как и прежде. Есть еще и барственное и формальное отношение к делу, которое на словах все признают «важно важным».

Но вернемся к десятилетнему празднику артистов МТДЦ Ивакиной, Ост., Вас. и др.: этот праздник чувствовался все — и малыши, и их старшие братья, и сестры, те, что уже много лет бывали в Театре для детей, и мамы с папами, в детстве которых не было специального театра для детей и артистов, посвятивших себя целиком этой работе.

История театра для детей не имеет столетней давности. Вся история такого театра во всем мире укладывается в последние пятнадцать лет, и если сейчас в Советском союзе уже около ста специальных театров для детей, то людей, уже проработавших десять и больше лет под туд в этой области, еще очень и очень мало. Поразит придет тем работникам искусства, которые неустанно работают над собой, потому что они действительно любят и уважают будущее наших ребят — зрителей и талантов.